

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИД РОССИИ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С.И. Чернявский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Сто лет назад российский парламент делал первые реальные шаги в области государственного управления. Депутаты в меру своих сил и в пределах дарованных им императором полномочий стремились модернизировать устаревшую систему монархического правления. К этому их подталкивали и те трагические условия, в которые ввергла Россию царская семья, вступив в Первую мировую войну. Февральская революция 1917 г. вдохнула новые силы в развернувшуюся в стране политическую борьбу, заставила многие традиционно консервативные слои управленцев поддержать усилия депутатов по установлению республиканской формы правления. Не стали исключением и российские дипломаты, на которых легла нелёгкая задача оказания помощи тысячам россиян, оказавшихся в результате военных действий во вражеских странах, а также военнопленным и тяжелораненым. В статье раскрываются некоторые эпизоды сотрудничества между МИД России и Государственной думой в годы Первой мировой войны.

На основе архивных документов и мемуарной прозы автор устанавливает, как менялись взаимоотношения Министерства иностранных дел и общественности, как эти взаимоотношения влияли на работу зарубежных представительств. Этот сложный комплекс взаимоотношений складывался вокруг узловых проблем, с которыми столкнулись власти страны в период Первой мировой войны и Февральской революции. В исследовании автор опирается на институциональный подход и частично – на методологию школы «Анналов», которая предполагает анализ проблем и путей их решения в конкретных исторических условиях. Кроме того, в исследовании используются элементы диахронного анализа, сравнения постреволюционной и постсоветской перестройки дипломатических институтов в России, что позволяет показать, насколько глубокой может быть «институциональная память» в условиях последовательного изменения социально-политического устройства.

Ключевые слова: Первая мировая война, Февральская революция, Министерство иностранных дел, военнопленные, политические эмигранты, гуманитарное сотрудничество.

УДК 93/94

Поступила в редакцию 09.02.2017 г.

Принята к публикации 21.05.2017 г.

Взаимодействие МИД России с Государственной думой в годы Первой мировой войны (1914-1918) реализовывалось с учётом специфики этого законодательного органа, полномочия которого под воздействием революционного движения особенно возросли после Февральской революции 1917 г. Своего апогея это сотрудничество достигло после формирования 1 (14) марта Временного правительства и назначения 2 (15) марта министром иностранных дел лидера кадетской партии П.Н. Милюкова.

После военных поражений весны — лета 1915 г. популярность императорского правительства, и без того не слишком высокая, сильно упала даже в высших слоях общества. В экономической жизни страны и в снабжении действующей армии важную роль стали играть контролируемые либералами организации (например, военно-промышленные комитеты), поддерживавшие Государственную думу. В её поддержку стали высказываться органы местного самоуправления и офицерский корпус. Совокупность этих причин, а также образование в Государственной думе организованного большинства способствовали заметному росту её политического веса.

Хотя область внешней политики не являлась предметом ведения Государственной думы, руководство МИД вынуждено было идти на расширение контактов с депутатами. На тесном сотрудничестве с думцами настаивали аккредитованные в Санкт-Петербурге послы держав Антанты. На это же настраивали МИД и российские послы в ведущих западноевропейских государствах — Великобритании, Франции, скандинавских государствах, призывавшие «модернизировать» монархию, создать хотя бы видимость демократического принятия важнейших решений.

А.П. Извольский в свою бытность министром иностранных дел пытался проводить эту линию с тем, чтобы привести существующую систему государственного управления в более совместимую с западноевропейскими, придав ей внешнюю привлекательность. Однако Николай II категорически отверг внесённое в августе 1906 г. в Совет министров предложение о предварительном обсуждении и получении мнения Думы и Государственного совета даже по неполитическим международным договорам и соглашениям России (торговым, железнодорожным и пр.) с последующим их утверждением царём. Во всеподданнейшем докладе от 1/13 мая 1907 г. А.П. Извольский всё же предложил предоставить министру иностранных дел право в некоторых случаях выступать в Думе с информацией по важнейшим внешнеполитическим событиям. Речь шла о возможности ответов на запросы депутатов или разъяснений при рассмотрении сметы МИД, а также при обсуждении законопроектов, вытекающих из принятых Россией международных обязательств. Николай II согласился с предложением А.П. Извольского и разрешил министру иностранных дел «в тех случаях, которые он признает нужными, давать Государственной думе соответственные разъяснения».

В августе 1915 г. юрисконсультская часть МИД по поручению министра С.Д. Сазонова занималась разработкой законопроекта об изменении Положения о Государственной думе и Государственном совете в отношении «права

интерpellации», то есть права депутатского запроса. Документы составлялись мидовскими чиновниками на основании парламентской практики западноевропейских стран.

С весны 1916 г. руководство МИД приступило к подготовке программы территориальных, политических и экономических условий и требований, с которыми России предстояло выступить на мирной конференции после победы над Германией и её союзниками. За совместную с МИД разработку проблемы будущего России в послевоенном мире выступала и Госдума. В первой половине 1916 г. был выработан проект специального секретного Совещания по изучению вопросов, связанных с международным положением России после войны. Председателем этого органа предполагалось назначить министра иностранных дел, а в его состав ввести по три члена от Думы, Государственного совета, МИД и научных учреждений. На заседания предполагалось приглашать специалистов от военного ведомства и учёных обществ (географического, востоковедения, палестинского и др.).

Наряду с проработкой конкретных правовых вопросов в сферу сотрудничества депутатов и дипломатов вошло оказание помощи российским подданным, оказавшимся в годы войны на оккупированной неприятелем территории, в возвращении на родину.

МИД и Госдума в условиях войны

С первых же дней войны Министерство занялось сбором и анализом сведений о положении российских подданных, захваченных военными действиями в Германии, Австро-Венгрии и других европейских странах, организацией перевода им денежных средств, добивалось улучшения условий их жизни путём заключения через посредников соответствующих соглашений с неприятельскими властями. По самым больным вопросам – таким, как помощь военнопленным дипломатам – приходилось преодолевать серьёзные препятствия внутри страны, поскольку военную верхушку не интересовала судьба «отработанного материала». Союзником МИД в этих вопросах стала Государственная дума.

В ходе слушаний по «драконовскому» государственному бюджету в январе 1915 г. стало очевидно, что неудачи на фронте коренным образом изменили настрой депутатов. Прозвучала резкая критика в адрес всех ведомств, включая Министерство иностранных дел. Этот негативный настрой особенно проявился в рамках обсуждения Бюджетной комиссией Государственной думы проекта сметы МИД на 1915 г. Замечания депутатов носили конкретный характер и в значительной степени были связаны с тем, что многие из них застали начало войны, находясь вне России – преимущественно в Западной Европе. Поэтому, лично столкнувшись с бюрократией российских загранучреждений, они называли конкретные фамилии дипломатов, настаивая на срочной замене некоторых руководителей и пересмотре кадровой политики МИД.

На заседании 14 января 1915 г. П.Н. Милюков обвинил российских консулов в «пренебрежительном отношении» к соотечественникам. В качестве примера он привёл Швейцарию, где, по его словам, «русские подданные страдали от недостатков в распределении материальной помощи, отпущенной правительством; суммы не доходили по назначению, задерживались и получались несвоевременно; при возвращении русских на нанятых для того пароходах публика не была достаточно осведомлена об условиях эвакуации; в Париже русских оставляли беспомощно толпиться под дождём на дворе и на улице, и консул не выходил к ним; в Швеции наши путешественники менее терпели, по-видимому, потому, что местное население проявило к ним сочувствие».

Прозвучали также обвинения в адрес русских послов в том, что они подолгу находятся за рубежом, редко бывают в России и не знают её проблем. Депутат Н.Н. Ковалевский предложил «воспользоваться моментом, когда нынешние послы выехали уже из Германии, Австрии и Турции для того, чтобы они изучили те вопросы, знакомство с которыми будет им нужно впоследствии, и ближе ознакомились с русской жизнью. Живя постоянно за границей, отчуждённые от русской жизни, наши послы отвыкают от обычного русского уклада и не совсем отчётливо понимают, кто есть кто в современной России. Так, бернский посланник¹ не только отказался вообще принимать просивших его об этом лиц, но не принял даже вице-председателя Государственного совета. Согласны, что послу нельзя заниматься такими мелкими вопросами, как выдача справок и денег; у него есть общие вопросы, но ведь он является как бы апелляционной инстанцией над своими подчинёнными, а вот именно бернский посланник отказался быть этой апелляционной инстанцией».

Основной лейтмотив выступлений, несмотря на их внешне «технический» характер, заключался в необходимости коренной перестройки работы МИД в послевоенный период [5].

С учётом прозвучавшей в адрес Министерства критики Государственной думы С.Д. Сазонов в своём выступлении перед депутатами 27 января специально затронул вопрос о помощи соотечественникам. «По поводу наших соотечественников, задержанных в Германии и Австрии, – сказал министр, – считаю долгом уверить вас, что императорское правительство принимает все меры к облегчению их участи и, по возможности, водворению их на родину».

¹ Василий Романович Бахерахт – типичный представитель высшего звена царской дипломатии. При рождении в 1851 г. получил имя Вильгельм Александр Карл Роберт. Происходил из старинного рода голландцев, обосновавшихся в России в 1636 г. В МИД пришёл по стопам отца Романа Ивановича Бахерахта (1797–1884), дипломата, бывшего генеральным консулом в Генуе. Воспитывался вне России, лютеранин. В 1871 г. поступил на дипломатическую службу в миссию в Берне, а через три года вынужден был принять православие и русское имя – Василий. Вся последующая жизнь прошла вне России, в основном в германоговорящих странах. 1871–1875 гг. – миссия в Швейцарии, в 1875–1883 гг. – в Баварии, с 1883 г. – в Бельгии, с 1885 г. – посольство в Германии, с 1893 г. – секретарь миссии в Португалии и с 1895 г. – 1-й секретарь миссии в Швейцарии. Затем, на относительно короткий период, получил назначение российским министром-резидентом в Марокко. С 1906 г. – вновь в Швейцарии, на этот раз в должности Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра.

Гуманитарная миссия МИД

Война с центральными державами привела к резкому разрыву внешних хозяйственных связей России с её традиционными партнёрами. Половина покупаемых до войны за границей товаров шла из Центральной Европы. Около трети русского экспорта направлялось в этот же регион. Для других стран Антанты прекращение торговли с Германией и Австро-Венгрией не имело таких разрушительных последствий.

Положение осложнялось ещё и тем, что в силу особенностей географического положения война нарушила хозяйственные связи России практически со всем миром. Сухопутная европейская граница, за исключением шведско-норвежской и не имеющей торгового значения румынской, через которую, кроме как в Румынию, никуда нельзя было попасть, оказалась закрытой. В Балтийском море хозяйничали германские подводные лодки. После вступления в войну Турции такое же положение создалось в Чёрном море. А ведь через все эти границы в 1913 г. проходило 9/10 экспорта и 5/6 импорта.

Связь России с внешним миром повисла на тонкой ниточке Великого Сибирского пути длиной в 8 тыс. км с единственным выходом к морю во Владивостоке.

По сравнению с другими государствами Антанты Россия резко выделялась огромной протяжённостью фронта боевых действий. Занятые неприятелем местности России намного превосходили как по абсолютным размерам, так и по своему значению для страны все территории, захваченные у Австро-Венгрии и Франции. За время войны многомиллионные русские и австро-германские армии не единожды прошагали взад-вперед по громадной территории восточного театра военных действий. Вследствие маневренного характера военных операций разрушению подверглись не только места военных действий, но и прилегающие к ним области, испытывавшие губительные последствия эвакуаций, охвативших в России более 500 тыс. кв. км с населением в 25 млн чел., то есть седьмую часть населения страны. Три млн чел. снялись с насиженных мест (иногда не по собственной воле) и устремились в тыл. Тысячные толпы беженцев несли с собой дезорганизацию, панику, расстраивая весь хозяйственный организм. В противоположность Франции, где оккупация и эвакуация пронеслись только один раз — в августе 1914 г., — охватив небольшую часть территории, Россия в течение всей войны испытывала постоянные потрясения от оккупаций и эвакуаций.

Для оказания помощи внутренним беженцам требовались значительные средства, поэтому реализация гуманитарной миссии МИД по поддержке русских подданных, застигнутых военными действиями в Германии и Австро-Венгрии, столкнулась с серьёзными финансовыми трудностями.

Начиная с 11 августа 1914 г. денежные переводы задержанным в Германии и Австро-Венгрии русским подданным шли через МИД. Поступавшие в Петро-

град средства передавались по телеграфу в российскую миссию в Копенгагене и оттуда направлялись через испанскую миссию (Испания взяла на себя защиту российских интересов) в испанские посольства в Берлине и Вене. На эти заграничные учреждения возлагалась задача доставки через германских и австрийских агентов денег по назначению, причём срок выдачи переводимых сумм зависел от различных обстоятельств, предвидеть или изменить которые было невозможно.

Согласно отчёту испанского посольства в Берлине, на октябрь 1914 г. из 6 639 переводов, поступивших в Германию, на общую сумму 1 329 275 руб., лишь 3 586 переводов на сумму 714 062 руб. были выплачены адресатам или доверителям; 1 488 переводов на сумму 321 155 руб. были уничтожены по просьбе отправителей (как не достигшие своей цели) и возвращены им Министерством, и, наконец, 1 565 переводов на сумму 294 058 руб. остались невыплаченными за выездом адресатов из Германии².

На производство всех перечисленных действий Министерству иностранных дел решениями Совета министров от 28 июля и 14 августа 1914 г. выделили 750 тыс. руб. На оплату частных переводов за границу с начала войны и по 1 января 1915 г. поступило 4 439 267 руб. 04 коп.³

Расходы на указанные цели постоянно росли, и к февралю 1915 г. общая сумма разновременно открытых кредитов составила 7 221 239 руб.

Министерство финансов и Государственный контроль требовали значительного сокращения ассигнований МИД на гуманитарные цели. Представители указанных ведомств настаивали на том, что русские подданные, застигнутые войной за границей, имели возможность вернуться в Россию. Задержанные же во вражеских странах военнообязанные содержатся в концентрационных лагерях и не должны пользоваться пособиями от Министерства иностранных дел. Выдача ссуд проживающим за границей русским подданным, которые остаются там по собственному желанию, необоснованна. Если же оказание материальной помощи русским подданным за границей признать необходимым по политическим соображениям, то следует оказывать помощь в виде ссуд только для выезда на родину и лишь точно определённым лицам, которые в такой помощи безусловно нуждаются, и именные списки которых должны сообщаться на предварительное рассмотрение русского правительства.

4 декабря 1915 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов направил в Совет министров очередное Представление МИД «Об отпуске средств на оказание помощи русским подданным за границей».

В документе отмечается, что ранее выделенные средства на оказание помощи русским подданным за границей полностью исчерпаны, и эта деятельность ведётся в счёт разного рода займов. На пополнение и покрытие текущих издержек требуется новое ассигнование государственного казначейства.

² АВПРИ. Ф. 155, 1–5. Оп. 709. Д. 25. Л. 3–16.

³ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 726. 1915. Д. 163. Л. 1–6.

По данным поступившей в МИД отчётности за период с начала войны до 1 сентября 1915 г., общий расход составил 3 033 577 руб. Принимая во внимание, что отчёты доведены лишь до августа 1915 г., а по многим странам не представлено данных и за более ранние месяцы, Министерство определяет округлённо расходы в 3 500 000 руб.⁴

Несмотря на противодействие Военного министерства и финансовых органов, все запрошенные МИД средства были выделены благодаря практически единодушной поддержке всех фракций Государственной думы.

Под влиянием событий на фронте и резкого ухудшения экономической ситуации в России нарастало недовольство политикой правящей верхушки. Однако погрязшая в интригах царская камарилья не придавала значения роковым изменениям в обществе, продолжая заниматься «коридорной» дипломатией.

Министерская миссия депутата Милюкова

В июле 1916 г. неожиданно для всех (и для него самого) министра иностранных дел отправили в отставку (12 января 1917 г. С.Д. Сазонова назначили царским послом в Лондон, но занять этот пост ему помешала Февральская революция). Его преемником 15 (27) июля назначили Б.В. Штюрмера — человека некомпетентного в международных делах, пользовавшегося поддержкой Г. Распутина и хорошо ориентировавшегося в придворных веяниях. С 20 января и по 10 ноября 1916 г. он исполнял обязанности председателя Совета министров Российской империи и одновременно (до 7 июля того же года) — министра внутренних дел. Штюрмер настойчиво боролся против революционного движения и думской оппозиции, подавляя любые инициативы сотрудников министерства, выходящие за рамки полученных инструкций. Он всячески препятствовал любым контактам МИД с Государственной думой.

За время своего краткосрочного пребывания на посту министра (уволен в отставку 10 ноября 1916 г.) он не внёс, да и не мог внести в силу своей некомпетентности ничего нового во внешнюю политику страны и деятельность МИД. Его министерская активность носила во многом протокольный характер. Опасаясь принимать какие-либо ответственные решения, но чувствуя настроения царской семьи, он стал осторожно прощупывать возможность использовать аппарат МИД для заключения сепаратного мира. Это окончательно дискредитировало его в глазах чиновников МИД и в обществе.

П.Н. Милюков 1 ноября 1916 г. с трибуны Государственной думы обвинил императрицу Александру Фёдоровну и премьер-министра России Б.В. Штюрмера в подготовке сепаратного мира с Германией и государственной измене. Его

⁴ Извлечение из прений Бюджетной комиссии Государственной думы по проекту сметы Министерства иностранных дел на 1915 г. Заседания 14 и 17 января 1915 г. Стенографические отчёты. Приложения к стенографическим отчётам Государственной думы 1915.

речь, вошедшая в историю под заголовком «Что это, глупость или измена?» привела к отставке Штюмера⁵.

Следующее назначение на должность министра иностранных дел бывшего государственного контролёра Н.Н. Покровского также стало неожиданностью. Новый министр не имел какой-либо дипломатической подготовки и не владел иностранными языками. На посту министра проработал с 30 ноября 1916 г. по 4 марта 1917 г.

Свои серьёзные финансовые познания и богатый административно-бюрократический опыт Покровский не сумел применить в Министерстве. По свидетельству современников, он «чувствовал себя на своём новом посту нехорошо», просился у царя в отставку, жалуясь на совершаемые без его ведома закулисные попытки заключить сепаратный мир.

Несмотря на монархистские (или, выражаясь современным языком, державные) настроения многих сотрудников министерства, дипломаты продолжали активно сотрудничать с Государственной думой и после Февральской революции 1917 г., когда думцы на короткое время оказались во главе государства.

В тот период Совет старейшин Думы по поручению частного совещания депутатов (сессия палаты к тому времени была прервана) избрал Временный комитет для наведения порядка в Петрограде. 28 февраля 1917 г. этот комитет объявил себя правительственной властью и до 2 марта являлся чем-то вроде правительства.

Разослав своих депутатов в качестве своего рода комиссаров в страны Антанты, новая власть благодаря активной деятельности зарубежных учреждений МИД получила международное признание. Вскоре Временный комитет Думы по соглашению с Исполнительным комитетом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов сформировал Временное правительство. Из одиннадцати его членов восемь являлись депутатами Думы, в их числе и ставший министром иностранных дел П.Н. Милюков.

Известный политический деятель, историк и публицист П.Н. Милюков прослужил в этой должности с 3 (16) марта по 2 (15) мая 1917 г. Лидер Конституционно-демократической партии (кадетской), он получил прозвище «Милюков-Дарданелльский» — за настойчивые требования передать России после войны контроль над проливами Босфор и Дарданеллы.

Новый министр всячески демонстрировал свою непохожесть на бывших руководителей, бравировая показным демократизмом и революционной демагогией. Это наглядно проявилось при его первой встрече с коллективом МИД. Руководящие чиновники царского Министерства иностранных дел, фактически не работавшего с 28 февраля по причине революции, 3 марта 1917 г. получили извещения о намерении нового главы ведомства вступить в должность. Им было предписано явиться на службу к 12 часам следующего дня, никаких

⁵ 28 февраля 1917 г. Б.В. Штюмера арестовали и заключили в Петропавловскую крепость. Затем перевели в больницу тюрьмы «Кресты», где он и скончался.

парадных мундиров — в пиджаках. Такой неформальностью встречи планировалось подчеркнуть демократизм и деловитость сменившего царизм режима (к аналогичным приёмам прибегал в последующем советский министр иностранных дел времён перестройки Э.А. Шеварднадзе).

Приход в МИД П.Н. Милюкова внёс значительные изменения в положение российских дипломатических загранучреждений. Ускоренными темпами велось обновление руководящего состава российских представительств. Одними из первых вынуждены были уйти в отставку посланники в Лиссабоне и Копенгагене — П.С. Боткин и К.К. Буксгевден, а также поверенный в делах в Берне М.М. Бибилов. Послу в Испании кн. Кудашеву П.Н. Милюков также предложил подать в отставку. Его место занял посланник в Стокгольме А.В. Неклюдов, ставший первым послом Временного правительства.

На ключевые дипломатические посты в союзных и нейтральных державах Временное правительство назначало не профессиональных дипломатов, а представителей политической общественности, лояльной к республиканской власти в России. Должность российского посла в США занял Б.А. Бахметев, инженер-гидравлик по образованию, кадет, стоявший во главе Русского заготовительного комитета в Нью-Йорке, сформированного в 1916 г. царским правительством для военных заказов. Посланником в Швейцарии стал И.Н. Ефремов, прогрессист, бывший государственный контролёр Российской империи. Послом во Францию назначили известного адвоката, одного из лидеров кадетской партии В.А. Маклакова, а в Испанию вместо внезапно подавшего в отставку А.В. Неклюдова — генерал-губернатора Финляндии, октябриста М.А. Стаховича [3].

Несмотря на ускоренные замены профессионалов политическими деятелями, соратники по партии требовали от П.Н. Милюкова более радикальной ломки старого заграничного аппарата. С этой целью за рубеж были командированы комиссары Временного правительства с поручением выявить «монархические элементы в загранучреждениях и расформировать заграничную политическую агентуру департамента полиции».

Результаты этих командировок весьма примечательны. Вот какие выводы о заграничном коллективе МИД сделал в своём секретном докладе Временному правительству комиссар С.Г. Сватиков⁶: «Все черносотенцы оставлены на своих местах и пользуются усиленною поддержкою таких же черносотенцев, оставшихся в управлениях и министерствах в Петрограде. Такие выражения, как “жиды”, “шайка жидов, завладевшая Россией”, “Советы Собачьих Депутатов” и т.п. выражения являются высокохарактерными для представителей России за границую. Но, глубоко ненавидя революцию, они всеми силами стараются дискредитировать не только демократию, но и само Временное правительство, указывая иностранцам на то, что революция виновата в разрухе, переживаемой

¹⁵ Сергей Григорьевич Сватиков (1880–1942) — общественный деятель, журналист, член РСДРП (меньшевик), впоследствии перешёл на позиции ликвидаторства. С 17 мая 1917 г. был назначен на должность комиссара Временного правительства с особым поручением. С 1920 г. находился в эмиграции.

Россией. Представители России даже в области благотворительной продолжают вести резкую борьбу с общественными элементами русскими и иностранными, на что горько жаловался мне депутат Поль Лафон в Париже, рассказавший мне целую историю тяжкой и бесплодной борьбы за очищение состава и оздоровление деятельности общества помощи пленным, бывшего раньше под покровительством г-жи Извольской. Характерною чертою для наших посольств является продолжающееся в них пренебрежение к русским гражданам и возобновившееся после короткого перерыва преследование политических эмигрантов. Господа дипломаты травят эмигрантов в полном смысле этого слова» [4, с. 25–38].

Как ни парадоксально, но новая власть любым путём стремилась добить монархистов, рассматривая их как контрреволюционеров и не обращая внимания на реальную угрозу со стороны крепнущих левых сил.

В срочном порядке менялась внешняя атрибутика российских загранучреждений: с посольского флага убирали двуглавого орла, выбрасывались царские портреты, а на дипломатических паспортах, бланках посольств удалялись слово «императорское» и изображение орла. Кстати, аналогичный процесс проходил с российскими загранучреждениями после развала Советского Союза, когда из зданий посольств торопливо выносили бюсты В.И. Ленина и затирали не только государственный герб на табличках у входа, но и название государства — СССР, — которое представляет посольство.

Рeadмиссия политэмигрантов и военнопленных

После Февральской революции сфера деятельности российских дипломатических загранучреждений значительно расширилась. Впервые им вменялось в обязанность тесное сотрудничество с находящейся в стране пребывания российской диаспорой, независимо от её политических воззрений. Дипломаты должны были принять меры не только к обеспечению беспрепятственного возвращения на родину политических эмигрантов, но и «объединить, примирить и направить» русские диаспоры, внутри которых господствовали монархические настроения.

Одним из первых распоряжений П.Н. Милюкова на посту министра стало указание посольствам оказывать помощь возвращению в Россию эмигрантов-революционеров. В направленной им 9 марта 1917 г. циркулярной телеграмме в дипломатические представительства России за границей предлагалось считать более недействительными «сообщённые в разное время Министерством иностранных дел и Департаментом полиции данные о воспрещении выдачи документов на возвращение в Россию и визы паспортов лицам, коим въезд в Россию воспрещён по политическим соображениям.

Ввиду последовавшего ныне акта о политической амнистии все указанные запрещения отпадают. Посему благоволите впредь отказывать в визе паспортов и выдаче документов для возвращения в Россию лишь тем лицам, кои зна-

чатся в международных и наших военных контрольных списках, а также тем иностранцам, въезд коих в Россию был воспрещён как осужденным по суду за общеуголовные преступления или безвозвратно высланным из России за порочное поведение»⁷.

Временное правительство стремилось взять под контроль волну реэмиграции, отделив «благонадежных оборонцев» от «крамольных интернационалистов». Эта нелегкая задача, поставленная перед дипломатическим ведомством, реализовывалась с большим трудом, несмотря на то, что контроль над реэмиграцией поручался особым, образующимся на местах эмигрантским комитетам, действующим под контролем дипломатов. Такой порядок устанавливался согласно циркулярной телеграмме министра иностранных дел от 18 марта 1917 г.: «На случай возникновения каких-либо сомнений о личности политических эмигрантов, желающих возвратиться в Россию в силу акта амнистии, благоволите образовать при вверенном вам заграничном учреждении министерства комитет из представителей политических эмигрантов для разъяснений всех могущих возникнуть сомнений по этому вопросу. Милюков»⁸.

То же подтверждалось последующей телеграммой от 1 апреля: «При выдаче паспортов эмигрантам можете руководствоваться засвидетельствованием их военной благонадёжности другими достойными эмигрантами или комитетами, образованными на основании нашего предыдущего указания»⁹.

Неустойчивая внутривнутриполитическая ситуация в России вынуждала министра постоянно лавировать, что вносило двусмысленность в его распоряжения и создавало дополнительные трудности сотрудникам загранучреждений.

В монографии «Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917» В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева справедливо отмечают: «Русская революция была своеобразной реакцией на мировую войну, причём амбивалентной в своей основе. По существу, усталым народным массам было предложено решить, как добиваться мира: через жертвенное приближение отдалённой победы или более коротким путём сепаратного мира. У политиков вроде бы имелись доктринальные аналоги этой дилеммы. И добиться их слияния в рамках идеологии новой России было нелегко, если вообще возможно» [2].

Милюков постоянно колебался. Например, 5 апреля он направил дипломатическим представителям в Лондоне и Париже инструкцию, фактически перечёркивающую предыдущие указания: «Настоятельно просим, по соображениям внутренней политики, не проводить различия между политическими эмигрантами пацифистами и не-пацифистами. Благоволите сообщить о сём великобританскому (французскому) правительству» [4, с. 3–9].

Новости из России были с восторгом встречены российскими гражданами за рубежом. В посольства стали поступать многочисленные ходатайства о воз-

⁷ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 133. Оп. 470. 1917. Д. 97. Т. 1. Л. 52.

⁸ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 723. Л. 29–49.

⁹ АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 78. Л. 31–55.

возвращения на родину от самых различных групп граждан: трудовых эмигрантов, лиц, выезжавших на время за рубеж и задержавшихся из-за войны, от учащих-ся, а также военнопленных.

Все они, в соответствии с «Правилами об оказании помощи русским подданным за границей», установленными Временным правительством, имели право на получение пособий и ссуд для возвращения на родину.

Российским загранучреждениям, которые раньше практически не контактировали с местной диаспорой, предлагалось в местах наибольшего сосредоточения эмигрантов установить взаимодействие с их комитетами, а там, где подобных комитетов нет, создать таковые и принимать участие в их работе¹⁰.

Разрешив эмигрантам беспрепятственный въезд на родину, Временное правительство переоценило свои возможности. Бравируя своей революционностью, оно оказалось не в состоянии контролировать мощный поток реэмиграции ни политически, ни технически. Тревожные телеграммы, поступавшие из загранучреждений, по поводу «заражённости» возвращающихся революционными настроениями, всерьёз не воспринимались.

Особенно наглядно это проявилось в неспособности помешать выезду из Швейцарии 3 апреля первой, «ленинской», группы политэмигрантов. Все попытки российской миссии на свой страх и риск задержать «ленинцев» не встретили поддержки со стороны охваченного внутренними разногласиями Временного правительства.

«Вчера, — докладывал 1 (14) апреля из Стокгольма посланник в Швеции Неклюдов, — здесь остановился Ленин и ещё несколько эмигрантов пораженческого лагеря из Швейцарии. Проезд через Германию был устроен для них стараниями социалиста швейцарского толка Циммервальда Фрицом Платтенем, который провожал их до Стокгольма. В Стокгольме Ленин и оставшийся пока здесь Радек совещались вчера с крайними отщепенцами социалистической шведской партии, уверяя их, что через две недели они вернутся с другими товарищами, дабы встретить в Стокгольме германских уполномоченных, а может быть, и французских, и начать переговоры о мире.

Проезд и похвалы Ленина с товарищами очень взволновали здешних латышских и эстонских бывших эмигрантов. Многие уверяют, что наши пораженцы, при проезде через Германию, имели кое-где свидания с тамошними социалистами, некоторые из коих проводили их до Мальме. Латыши и эстонцы утверждают, что Ленин обладает большим красноречием и замечательную ораторскую способностью, почему они боятся его влияния на Совет рабочих и солдатских депутатов в пораженческом смысле» [4, с. 5].

Как известно, сразу же по возвращении в Петроград В.И. Ленин опубликовал свои знаменитые «Апрельские тезисы», ставшие практическим руководством к подготовке Октябрьской революции.

²⁶ АВПРИ. Ф. 757. Оп. 455г. Д. 1а. Л. 45–45 об.

Об остроте эмигрантского вопроса в Швейцарии свидетельствует телеграмма поверенного в делах А.М. Ону из Берна от 5 (18) апреля: «В Швейцарии пока образовались две организации для эвакуации эмигрантов: одна — в Цюрихе — носит скорее интернационалистический характер, другая — в Берне — так называемые «обороновцы», желающие продолжения войны и составляющие лишь пятую часть всей политической организации. Обе группы с большим нетерпением ждут отъезда и просят миссию передать Временному правительству горячую просьбу об ускорении их отправления на родину; при этом обороновцы ссылаются на желание поскорее поступить в русскую армию. Ввиду бедности многих эмигрантов общая цифра уезжающих, вероятно, не превысит тысячи человек. Обе организации просят об оказании материальной помощи как уезжающим, так и временно оставшимся в Швейцарии семействам и больным»¹¹.

Не менее тревожные сведения шли в Петроград из Парижа. В телеграмме от 30 марта (12 апреля) поверенный в делах во Франции М.М. Севастопуло писал: «Вопрос о составлении эмигрантского комитета осложняется существующими между эмигрантами несогласиями; вследствие сего, быть может, придется действовать через посредство двух комитетов: комитета обороны под председательством гр. Нессельроде и комитета, обнимающего всю остальную эмиграцию. На завтра у меня назначено свидание с некоторыми видными эмигрантами. Можно надеяться, что в начале будущей недели вопрос окончательно выяснится. Есть надежда найти небольшой пароход, который провёз бы четыреста-пятьсот эмигрантов из Гавра в Норвегию по 250 фр. за человека. В общем же, единственным средством сообщения, на которое можно рассчитывать с уверенностью, являются пароходы, которые весной пойдут за нашими войсками в Архангельск; на них провоз обойдется по 100 фр. с человека до Архангельска. О числе желающих ехать пока нет никакой возможности составить себе даже приблизительное представление, тем более что неизвестно, сколько ещё прибудет из Швейцарии, Италии и даже Англии, в случае водворения через Архангельск. Так как одновременный проезд семей недопустим из-за подводной войны, то может возникнуть вопрос, о чём прошу указаний, равно как и о том, следует ли считать политическими эмигрантами дезертиров и уклонившихся от военной повинности, объясняющих своё поведение побуждениями политического характера» [4, с. 11].

Временное правительство, исходя из внутривластных соображений, стремилось максимально сбросить на Центральный аппарат МИД и его загранучреждения все сложные вопросы, связанные с отбором эмигрантов, — «кого пускать и кого не пускать»¹².

Наибольшую тревогу реэмиграция вызывала в Военном министерстве. Об этом свидетельствуют многочисленные обращения к министру А.Ф. Керенскому Главного управления Генерального штаба России.

¹¹ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 133. Оп. 470. 1917. Д. 97. Т. 1. Л. 52.

¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2450. Л. 70–71.

Военное ведомство настаивало на немедленном прекращении льготного порядка возвращения политэмигрантов. Главное управление генерального штаба (далее — ГУГШ) докладывало, что в результате состоявшейся в марте 1917 г. договорённости между министрами военным и иностранных дел, согласно которой всем находящимся за границей русским политическим эмигрантам была предоставлена возможность льготного возвращения в Россию, из-за границы прибыло уже значительное количество эмигрантов.

В записке на имя министра обороны А.Ф. Керенского руководство Генерального штаба указывало: «ождается прибытие в Россию до 250 000 человек, и количество это, особенно при прибытии большими партиями, не может не вызывать самых грозных перспектив как по заботам о снабжении их продовольствием, так и по чрезмерной обременительности для наших железных дорог; главнейшие линии, по коим происходит движение эмигрантов, — Сибирская магистраль и линия Торнео — Петроград — являются вместе с тем главнейшими путями доставления нам снабжения из-за границы. Пункты Торнео и, особенно, Владивосток до чрезвычайности перегружены ожидающими отправления внутрь страны грузами, железные дороги обладают весьма слабой провозоспособностью, и в связи с этим наплыв большого количества эмигрантов создаёт новую угрозу правильного снабжения армии. Сосредоточение же эмигрантов в пограничных с нами странах в ожидании отправления в Россию вызывает явное недовольство Японии и Швеции, указывавших уже на то, что правительства этих стран могут счесть себя вынужденными арестовывать группы наших эмигрантов и насильственно водворять их в наши пределы»¹³.

Дипломатические представители России за рубежом (в частности поверенный в делах в Лондоне К.Д. Набоков) также настаивали на временной приостановке отправки политэмигрантов на родину. В телеграмме от 11 (24) июля 1917 г. К.Д. Набоков сообщал: «Вопрос о дальнейшей отправки на государственный счёт политических эмигрантов с континента и из Лондона в Россию становится настолько серьёзным, что я вынужден всецело присоединиться к мнению некоторых вполне заслуживающих доверия лиц из эмигрантской среды. Не подлежит сомнению, что из Европы под видом политических эмигрантов уже проникли в Россию анархисты и уголовники и иные антигосударственные элементы. Ни посольства, ни консульства не имеют фактически возможности проверять подлинную принадлежность людей к политической эмиграции и должны полагаться на отзывы эмигрантских комитетов. Ввиду того, что взгляды таковых изменились с возвращением в Россию огромного большинства эмигрантов, отзывы комитетов не имеют теперь того значения и не дают тех гарантий, как прежде. Мне представляется необходимым, чтобы правительство циркулярно оповестило посольства в Лондоне, Париже и Риме и бернскую миссию, что впредь до

¹³ 13 и 28 июля 1917 г. были подписаны соглашения Временного правительства с Англией и Францией о взаимном привлечении подлежащих военной службе граждан: русских, проживавших в Англии и Франции, — соответственно в английскую и французскую армии, а английских и французских граждан в России — в русскую армию.

назначения особых комиссаров здесь и в Париже с широкими полномочиями и ответственностью отправка эмигрантов временно приостанавливается. Это даст возможность переправить в Россию большее количество военнопленных и военнообязанных»¹⁴.

В отличие от Набокова поверенный в делах в Швейцарии А.М. Ону, напротив, настаивал на скорейшем выезде из Швейцарии на родину тех эмигрантов, которые бы способствовали укреплению позиций Временного правительства и продолжению войны. В своей телеграмме в МИД 24 июля (6 августа) 1917 г. он настаивал на незамедлительном коллективном отъезде 120 эмигрантов-оборонцев. Аргументы дипломата сводились к следующему: «Около 500 эмигрантов, преимущественно интернационалистов и пацифистов, уехали отсюда через Германию. Оборонцы, то есть националисты, до сих пор уезжали чрез Англию и Францию, при этом в весьма небольшом числе. По вполне понятным политическим соображениям оборонцы желают возможно скорее прибыть в Россию, дабы принять участие в политической борьбе против центробежных сил. Для характеристики отъезжающих отсюда оборонцев надо отметить, что ни одному из лиц, рекомендованных комитетом оборонцев, не было отказано в визе ни англичанами, ни французами — все решительно признаны достойными доверия»¹⁵.

Между тем внутриполитическая обстановка в России продолжала накаляться — власть разваливалась на глазах, общество погружалось в хаос.

Судьба военнопленных

Одним из важнейших направлений деятельности МИД России в годы Первой мировой войны стало оказание помощи военнопленным. На бытовом уровне в России распространено двойственное отношение к этой категории лиц: чужих жалели, подкармливали, когда возможно, а своих недолюбливали, чурались, как прокажённых. В верхних эшелонах власти ещё хуже — всех побывавших в плену автоматически причисляли к шпионам и никого не интересовали реальные причины, по которым несчастный попал во вражеский плен. Был ли он безоружен, тяжело ранен или попал в плен по дурости собственных командиров — подобное в расчёт никто и никогда брать не хотел. Между тем война показала не только значительную техническую отсталость России, но и, мягко говоря, бесталанность её генералитета.

Об этом, в частности, свидетельствует значительное количество русских генералов, оказавшихся в плену у германских войск. В сражениях при Танненберге 26–30 августа 1914 г., в Августовских лесах в феврале 1915 г. и при сдаче крепости Новогеоргиевск 19 августа 1915 г. русская армия понесла значительные потери в генеральском составе. По приводимым российским исследователем

¹⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2450. Л. 84.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 2413. Л. 314.

О.С. Нагорной данным, при окружении 2-й (Наревской) армии в Восточной Пруссии в плену оказались 16 генералов. При окружении 20-го армейского корпуса 10-й армии в Мазурии к немцам попали 13 генералов. Ещё 17 генералов сдались при осаде крепости Новогеоргиевск. Во время Лодзинской операции в ноябре 1914 г. в плену оказались 12 генералов [6].

МИД 16 марта 1917 г. направил в правительство свои соображения по данному вопросу¹⁶. Предлагалось, в частности, объединить деятельность всех правительственных и общественных организаций, чья деятельность была направлена на помощь военнопленным, взяв за образец Французскую внепарламентскую комиссию, имеющую значительные полномочия. Указанное предложение неоднократно высказывалось как по линии Российского общества Красного Креста, представившего разработанный совместно с МИД соответствующий проект, так и председателем Государственной думы М.В. Родзянко на заседании Главного управления Российского общества Красного Креста. В обоих случаях предложения об объединении не получили одобрения правительства.

Вопрос о военнопленных был решён лишь после заключения перемирия, когда страны-участницы войны включили его в договор о перемирии между Россией и Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией от 2 (15) декабря 1917 г. Согласно этому договору и договору между Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией от 3 марта 1918 г., пленные обеих сторон подлежали обмену и отправке на родину.

По подсчётам российского историка И.Б. Беловой, численность русских военнопленных к середине 1917 г. составляла 2 417 тыс. чел. До 1918 г. в Россию прибыли из плена 715 тыс. инвалидов и 60 тыс. бежали из лагерей, что в сумме составило 32% от общего числа российских военнопленных. На начало 1918 г. в плену оставались 1 642 тыс. человек (68%). За исключением умерших в плену 190 тыс., в Европе остались 95 тыс. человек, вернулись в прибалтийские государства 215 тыс. человек. Таким образом, не вернулись в Россию 500 тыс. (21%) русских военнопленных [1].

Работу дипломатов Временного правительства прервала Октябрьская революция 1917 г. Подавляющее число сотрудников МИД и депутатов Государственной думы, отказавшись сотрудничать с новым режимом, закончили свою жизнь трагически. Вместе с тем старая русская дипломатия сошла с исторической сцены с чувством исполненного профессионального и патриотического долга. «Плохо ли, хорошо ли мы понимали интересы России, — писал в эмиграции князь Г.Н. Трубецкой, — пусть об этом рассудят другие, но мы служили им честно, в меру разумения, совести и сил. Когда-нибудь придётся воздать должное русской бюрократии, которая для людей, живущих трафаретами, представляет просто бранной кличкой.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6208. Л. 12–13.

Тогда, я не сомневаюсь, получит признание огромная патриотическая и культурная работа, ею проделанная, и те сокровища государственного опыта и самоотвержения, которые были с нею связаны. Они, без сомнения, опирались на лучшие традиции русского служилого сословия и не могут быть затушеваны тёмными сторонами интриг и личных страстей, которые находили себе почву в некоторых общих нездоровых условиях государственного строя» [7].

Конец существования дореволюционного МИД прервал, но не уничтожил преемственность дипломатических традиций России. Для истории в одинаковой степени важен как положительный, так и отрицательный опыт. Применительно к царской дипломатической службе значение этого опыта ни в чём не умаляется её недостатками, требующими столь же беспристрастного и объективного подхода, как и её сильные стороны.

В начале 1990-х гг. российские дипломаты поддержали курс на демократические преобразования в нашей стране и продолжают в рамках своих полномочий отстаивать интересы России за рубежом.

Как и в прошлые годы, вопросы сотрудничества с Федеральным собранием находятся в центре внимания российского Министерства иностранных дел. Разумеется, с годами меняются приоритеты и на этом направлении деятельности. Сегодня в числе первостепенных задач — совместные действия дипломатов и депутатов по обеспечению прав человека путём участия в Совете ООН по правам человека, конвенционных органах ООН по правам человека и Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека. Важная роль принадлежит международному гуманитарному сотрудничеству. Россия вносит достойный вклад в работу Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Международной организации по миграции, взаимодействует с Советом Европы и ОБСЕ.

К сожалению, после развала Советского Союза на территориях бывших советских республик и между ними возникли кровавые конфликты. Попытки их мирного разрешения вновь выдвинули на передний план гуманитарного сотрудничества вопросы личной безопасности граждан, спасение из беды гражданского населения и урегулирование проблем, связанных с военнопленными. Организация гуманитарных конвоев в горячие точки, экстренная медицинская помощь и другие задачи вновь стоят на повестке дня деятельности МИД. Как и всегда, в моменты тяжких испытаний для нашей страны дипломатическая служба остаётся неотъемлемой частью своего государства и народа. Сохранение памяти о славном прошлом отечественной дипломатии необходимо не только как подтверждение преемственности истории нашей страны, её славных традиций, но и как достойный подражания пример для новых поколений российских дипломатов.

Список литературы

1. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. 432 с.
2. Булдаков В.П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. Новый хронограф. 2015. 720 с.
3. Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в эмиграции в 1917–1938 годах // Международная жизнь. 2001. №9–10. С. 71–83.
4. Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией // Красный архив. Исторический журнал. Т. XX. Центрархив. М.–Л., 1927. С. 25–38.
5. Морозова И.М. Некоторые аспекты взаимодействия Министерства иностранных дел России и Государственной думы в 1905–1917 годах // Дипломатический вестник. 2001. № 11. С. 27–35.
6. Нагорная О.С. Другой военный опыт. Русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. 440 с.
7. Памяти кн. Гр Н. Трубецкого. Сборник статей. Париж, 1930. 163 с.
8. Чернявский С.И. Дипломатия России. Опыт Первой мировой войны. М., Алгоритм, 2016. 414 с.

Об авторе:

Станислав Иванович Чернявский — директор Центра постсоветских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России, д.и.н., профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посланник. E-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com.

RUSSIA FOREIGN MINISTRY AND THE STATE DUMA DURING THE FIRST WORLD WAR

S.I. Chernyavskiy

DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-72-90

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article studies the cooperation between the Russian Foreign Ministry and the State Duma during the First World War.

A hundred years ago, the Russian parliament made the first real steps in democratization of public administration. MPs to the best of their ability and within the limits of the emperor's powers sought to modernize the outdated system of monarchical rule. They were pushed by the tragic conditions of the First World War in which Russia was plunged by the royal family. The February Revolution of 1917 breathed new strength into the political struggle unfolding in Russia, it forced many conservative oriented public administrators to support the efforts of the MPs to establish a republican form of government. Russian diplomats also contributed to the effort when they assisted thousands of Russians who were caught up in captivity in hostile countries, as well as prisoners of war and seriously wounded.

Using archival documents and memoirs, the author observes the evolution of the relationship between the Ministry of Foreign Affairs and the emerging civil society and how these changing relationships influenced the work of Russian diplomatic missions. This complex set of relationships evolved around issues faced by the authorities during the First World War and the February Revolution. Methodologically, the author relies on institutional approach and partially on the Annals school, analyzing the subject matter taking into account the specific historical conditions. In addition, the study uses elements of diachronic analysis, a comparison of the post-revolutionary and post-Soviet restructuring of diplomatic institutions in

Russia, which demonstrates how deep the institutional memory can be under conditions of a consistent change in the socio-political structure.

Key words: The First World War, February Revolution, the Ministry of Foreign Affairs, prisoners of war, political refugees, humanitarian cooperation.

References

1. Belova I.B. *Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Rossii 1914–1925 gg.* [Forced migrants, refugees and military hostages in I World War in Russia, 1914–1925]. Moscow: AIRO-HHI, 2014. 432 p. (In Russian).
2. Buldakov V.P., Leont'eva T. G. *Voina, porodivshaia revoliutsiiu* [The war that forged revolution]. Moscow: Novyi khronograf. 2015. 720 p. (In Russian).
3. Deiatel'nost' diplomatov tsarskogo i Vremennogo pravitel'stv v emigratsii v 1917–1938 godakh [Activities of diplomats of the Tsarist and the Temporary government in 1817–1938]. *Mezhdunarodnaia zhizn'*. 2001, no. 9–10, pp. 71–83. (In Russian).
4. *Diplomatiia Vremennogo pravitel'stva v bor'be s revoliutsiei* [The Temporary government diplomacy against revolution]. *Krasnyi arkhiv. Istoricheskii zhurnal*. 1927. Vol. XX, pp. 25–38. (In Russian).
5. Morozova I.M. Nekotorye aspekty vzaimodeistviia Ministerstva inostrannykh del Rossii i Gosudarstvennoi dumy v 1905–1917 godakh [Some aspects of interaction. Human Rights in Russia: 1905–1917]. *Diplomaticheskii vestnik*. 2001, no. 11, pp. 27–35. (In Russian).
6. Nagornaia O.S. *Drugoi voennyi opyt. Russkie voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Germanii (1914–1922)* [Another military experience. Russian prisoners of war of the First World War in Germany (1914–1922)]. Moscow, 2010. 440 p. (In Russian).
7. *Pamiat' kn. Gr N. Trubetskogo* [In memory of the earl N. Trubetskoy]. Digest of articles. Paris, 1930. 163 p. (In Russian).
8. Cherniavskii S.I. *Diplomatiia Rossii. Opyt Pervoi mirovoi voiny* [Diplomacy of Russia. Experience of the First World War]. Moscow, Algoritm, 2016. 414 p.

About the author:

Stanislav I. Chernyavskiy – Doctor of Historical Sciences, Director of the Center for Post-Soviet Studies, Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Envoy, MGIMO-University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: chernyavskiy.stanislav@gmail.com.